Рабочая и профессиональная жизнь.

СРЕДИ РАБОЧИХ ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

На борьбу со скрытой эксплоатацией рабочих!

НЭП породил целый ряд частных «хозяйчиков» предпринимателей в погоне за наживой эксплуатирующих рабочих направо и налево, обходя законы, установленные для рабочих наемного труда. Эти частные «хозяйчики», открывшие свои предприятия где-то в закоулках, нанимая со стороны безработных рабочих эксплуатируют их самым беспощадным образом. Пишущему эти строки, совместно с инспектором охраны труда т. Гуревичем, на-днях удалось «накрыть» целый ряд частных предприятий, где обнаружена скрытая эксплуатация рабочих.

ГИЛЬЗОВАЯ ФАБРИКА.

Гильзовая фабрика товарищества «Гермес» (Чепаевская, 116). На фабрике «легально» работают две работницы, приготовляющие материал для работающих на дому. Эти две работницы состоят членами союза, получают по ставкам союза, работают 8 часов в день и т. д.

Но работающие на дому работницы эксплуатируются самым беспощадным образом. За выделку ручным способом тысячи гильз они получают 1 р. 20 к. Работая с утра до вечера домашницы еле зарабатывают по 6 р. в день. Кроме того, что домашницы работают по 10—12 час. в день они нигде не застрахованы, не об'единены никаким союзным органом и представляют из себя распыленную беспомощную рабочую силу, продающую свой труд почти бесплатно.

При входе в фабрику нам попалась навстречу работница-домашница, везущая на салазках ящик коробок и гильз.

— Где вы работаете?—спрашиваем ее.

— У «Гермеса».

— Сколько работаете в день?

— С утра до вечера.

— Сколько зарабатываете в день?

— Пять-шесть миллионов.

— В союзе состоите?

— Нет.

— А как вы поступили на фабрику к «Гермесу»?

— Узнала я, что «Гермес» дает работу на дом, пошла к нему, и получила работу.

— Вы поступили на работу через биржу труда?

— Нет,—смущенно отвечает работница и добавляет: товарищ, не говорите «Гермесу», что я вам обо всем рассказала, если узнает об этом он мне больше работы не даст...

Таких работниц-домашниц у товарищества «Гермес» по имеющимся у нас сведениям, имеется больше 20-ти.

ПАПИРОСНИКИ.

Недалеко от гильзовой фабрики «Гермес» находится частная папиросная мастерская, опять-таки работающая на «Гермеса». В этой мастерской работают 12 человек китайцев, из которых пять человек являются «хозяевами-компанионами», а семь человек—наемными рабочими.

Условия труда в мастерской—скверные. Мастерская находится в маленькой подвальной комнатке, где за длинным столом сидят китайцы и набивают папиросы. От постоянного куренья воздух наполнен дымом. Из разговоров с одним из работающих, умеющим говорить по русски, мы узнаем, что рабочие работают по 10—12 часов в день. Нигде не зарегистрированы и зарабатывают очень мало.

«Хозяева» мастерской раз'яснили нам, что весь их товар идет в табачный магазин товарищества «Гермес» и сообщают, что после нашего посещения мастерской они зарегистрируют рабочих на бирже труда и застрахуют их...

КОРОБОЧНИКИ.

В Запланном переулке, дом № 13, по Воскресенской улице находится частная коробочная мастерская, хозяином которой является гражданин Комаровцев.

Мастерская вырабатывает коробки для папирос и шоколада и опять-таки для магазина товарищества «Гермес». В мастерской работают два взрослых рабочих и два мальчика. Рабочие нигде не зарегистрированы и не застрахованы. Приняты на работу помимо биржи труда. Членами союза не состоят. Работают сверх установленного времени. В феврале рабочие при сдельной работе зарабатывали по 250 р., работая по 10—12 часов в день.

— Я больше не могу платить своим рабочим, потому, что и сам «Гермес» мне больше не дает,—говорит нам «хозяин» мастерской.

НАДО ОБУЗДАТЬ!

Приведенные нами факты говорят за то, что НЭП'мановское товарищество «Гермес» через своих предпринимателей держит в своих цепких лапах много беззащитных рабочих и работниц, заставляя их экономическим нажимом служить своим интересам.

Этой скрытой эксплуатации рабочих должен быть положен конец. Союз печатников совместно с отделом Охраны Труда должен работу во всех приведенных нами выше частных предприятиях ввести в законные рамки, об'единить распыленных рабочих и заставить частных «хозяйчиков» выполнять законы кодекса труда.

С—но.

В Трамвайном парке.

КАК НЕ СЛЕДУЕТ РАСПРЕДЕЛЯТЬ СПЕЦОДЕЖДУ.

На-днях в трамвайный парк поступили для распределения комплекты блуз и брюк.

Очевидно, эта одежда была предназначена для выдачи рабочим, работающим на более грязной и тяжелой работе. РКК передал эти блузы и брюки маст. Бочарову, а тот роздал их столярам, обмотчикам и слесарям, работающим у тисков. Таким образом, за исключением 2—3 штук, одежда досталась работающим в помещении в более сносных условиях. Тем же, кто работает под вагонами и мажется в грязи и смазке,—ничего не досталось.

Чем об'яснить это? А тем, что РКК допустила ошибку, передав распределение спецодежды исключительно в руки администратора, тогда как в этой работе следовало бы во избежание каких либо недоразумений принять участие и ей самой.

Рабочий.

НА УСИЛЕНИЕ ВОЗДУХФЛОТА.

Состоявшееся 22 марта об'единенное собрание служащих Учпрофсожа, Мобот-дела С.-Зл. жел. дор., канцел. воен. помощника нач. дороги и ШЧ 2, заслушав доклад о необходимости поддержки возрождающегося красного воздушного флота,—постановило: в течении 6-ти месяцев (с 1 апр.) производить 2% отчисления из жалованья всех служащих в пользу красного Воздушного Флота.

ИЗ ВЕЧЕРНИХ УСТНЫХ КОРРЕСПОНДЕНЦИЙ.

КТО ВИНОВАТ,—К ОТВЕТУ!

Котельщики Носырев, Гранин, Звягинцев, Козелков и двое Петрищевых работали для материального склада Рунвода.

Это было еще в декабре прошлого года.

Склад не доплатил им 351 р.

Заявили в Губ. Конфликт. Комиссию.

Только на 4-ую повестку обратили внимание начальники из склада и явились. 15 февраля Конфликтная Комиссия постановила удовлетворить жалобщиков. 28 февраля это подтвердила экспертная комиссия, назначенная по требованию ответчиков.

Но постановить легко. Совсем другое дело—взыскать. Посланное Конфликтной Комиссией отношение от 5 марта пропало.

9 марта один из потерпевших, Гранин сам отнес в склад отношение комиссии об уплате.

Не уплатили.

13 марта снова подано в Конфликтную Комиссию заявление с приложением акта и отношения.

Ни слуху, ни духу.

20 марта Гранин лично явился в Конфликтную Комиссию и ему сказали, что ответчиков вызовут на 22-е. 22-го они не явились. Вызвали на 27-е, опять те же результаты. А когда 27-го явился Гранин его дело уже оказалось в архиве, в числе прекращенных.

Очень похожая история случилась с Граниным и в его деле с арендаторами бани бывш. Челышова. Три недели ходил и толку не мог добиться. Рассмотрим, говорят.

Котельщики сейчас без работы и заняты размышлением:

— Сколько будут стоить декабрьские 351 р. в момент, когда их, наконец, удастся получить?

Если удастся, конечно...

Котельщик.

„ЛАДНО".

Вот так охрана труда!

Мастерская трамвайного парка и так не блещет чистотой.

А тут еще тряпки...

Тряпок в мастерскую требуется не мало. Руки вытирать или еще зачем.

Так что даже свой поставщик имеется.

Поставщику, ему что—сбыть побольше, да и все.

И несет он в мастерскую всякую гадость.

Возьмет рабочий тряпку, а на него оттуда вошь зубы скалит.

Попадались тряпочки и в крови и еще кое в чем, более пахучем...

Одно слово—зараза.

Обратились к члену завкома, к тому, что охраной труда ведает.

— Ладно, говорит.

Ладно, и ладно, а тряпочки-то все попахивают.

Рабочий.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Шефство и Губсовпартшкола.

Курсанты Губсовпартшколы несколько раз задумывались о шефстве над деревней и о том, каким образом могла бы совпартшкола принять участие в этом великом начинании. Недавно один из курсантов побывал в Смышляевке и после его рассказов Губсовпартшкола решила взять на себя шефство над Смышляевкой. Смышляевка большое село, имеющее около 4000 чел. населения. Из них до 7% кулацкого элемента, остальные преимущественно середняки. На все 4000 человек имеется одна ячейка из 6-ти человек, и ячейка РКСМ из 10 человек. Воспитательной работы в ячейках почти совсем не ведется, а поэтому ячейка очень слабо влияет и на население. Несмотря на близость от Самары, село не получает ни одной газеты и поэтому совершенно не в курсе текущих событий. Ежедневно бывающие в городе крестьяне знакомятся с новостями и привозят эти новости в искаженном виде, что часто создает нелепые слухи. За всю зиму в Смышляевке, несмотря на близкое расстояние и удобное сообщение, не заглянул ни один представитель от партийных и просветительных организаций. Все кампании и празднования проводятся с большими опозданием, а иногда и совсем не проводятся. При таком положении дел культурное шефство над Смышляевкой необходимо.

Что может сделать Губсовпартшкола для Смышляевки? Прежде всего она поведет воспитательную работу как среди партийцев и комсомольцев в первую очередь, так и среди крестьянства. Это будет выражаться путем организации кружков и бесед с крестьянами и через посылку газет. Последнее уже проводится: во-первых, некоторые сотрудники Губсовпартшколы подписались на газеты для Смышляевки, во-вторых, посылают использованные в читальне газеты через товарищей, приезжающих в Самару. В-третьих, Губсовпартшкола организует передвижную библиотечку, при помощи которой можно будет организовать внутри села избу-читальню. В-четвертых, будут посылаться товарищи для докладов перед спектаклями и для эпизодических лекций.

В городе Губсовпартшкола уже тесно сближается с профорганизациями через представителей от курсантов в каждое правление профсоюза, при чем Губсовпартшкола помогает лекторскими и вообще культурными силами, а союзы оказывают материальную поддержку партшколе.

Так, союз Нарсвязи уже оказал единовременную поддержку в размере 1500 руб.

Но в свою очередь Губсовпартшколе также необходим шеф. Губсовпартшкола—это партийное учебное заведение, где находятся партийцы, комсомольцы и маленькая доля беспартийных. При 8-ми часовом рабочем дне и плюс внешкольной работе курсанты недостаточно удовлетворены материально и им необходимо добавочное питание и вообще материальная поддержка со стороны.

Эту поддержку со стороны им может оказать шеф. Шефом у Губсовпартшколы является дрожжевой завод, который до сих пор практических шагов еще не предпринял. Но мы надеемся, что наш шеф не отстанет от других, уже показавших себя на деле, и проявит свою заботу над Губсовпартшколой, взяв пример с союза Нарсвязи.

Не надо оставаться шефом только на бумаге. Курсанты ждут помощи и не останутся в долгу, а будут отдавать все свои силы на такое-же культурное шефство над деревней.

Е. Я.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ В 1-м РАЙОНЕ.

Вчера, в клубе коммунистов, с большим докладом о 75-летии Коммунистического Манифеста выступил тов. Сохацкий.

Блестящая речь докладчика, продолжавшаяся около 2 часов, слушалась с неослабевающим интересом.

Приведенные в конце доклада заключительные слова Манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» были покрыты шумными аплодисментами *).

После перерыва тов. Разумова сделала доклад о XI Губпартконференции. Указав, что вопросы, подлежавшие разрешению на конференции, частично обсуждались до этого на районных собраниях и освещались в печати, тов. Разумова остановилась только на вопросах, возбудивших особое внимание конференции.

Такими вопросами были: 1) налоговая политика в деревне, 2) государственная промышленность, 3) кооперация и 4) партстроительство.

Кратко доложив о том, как проходило обсуждение докладов на Губпартконференции и какие по ним приняты решения, докладчица обращает также особое внимание слушателей на речь представителя ЦК РКП Шмидта, после которой была принята резолюция о расширении ЦК, с целью пополнения его старыми опытными партийцами.

Ввиду того, что отчеты о ходе Губпартконференции и резолюции были помещены в местной газете, тов. Разумова не растягивает своего доклада и заканчивает его призывом изучать постановления Губпартконференции и приложить все усилия к тому, чтобы они не остались только пожеланиями на бумаге.

По окончании доклада присутствующим об'является, что в воскресенье 1-го апреля в 8 час. вечера, в клубе состоится антирелигиозный «Вечер вопросов и ответов».

В 11 ч. вечера, под звуки «Интернационала», собрание об'является закрытым.

*) Тезисы доклада тов. Сохацкого были помещены в «Коммуне» от 10 марта

В ТРОЦКЕ.

В РАБОТЕ ЯЧЕЙКИ УЧАСТВУЮТ БЕСПАРТИЙНЫЕ.

На-днях состоялось собрание ячейки № 3 г. Троцка, при участии беспартийных. Присутствовали печатники, рабочие и служащие Горпотребо, станции ж. д., почты, Госстраха, Исполкома и др.

После доклада тов. Кузнецова об истории Троцкой организации РКП, делились своими воспоминаниями т.т. Казимиров и Плохотникова.

Затем был заслушан доклад председателя Горисполкома т. Аристова, который особенно остановился на состоянии коммунального хозяйства.

Из отдельных мероприятий в этой области докладчик отметил проведение с завода № 45 во Владимирский поселок электричества, разбивку в городе сада и ремонт больших домов с целью ослабить безработицу.

С докладом о работе Комитета Взаимопомощи выступил тов. Руднев, подчеркнувший отсутствие средств в Комитете и невозможность ввиду этого удовлетворить всех нуждающихся, число которых значительно возрасло за последнее время.

Правда, завод № 45 сделал отчисление от сбора с электричества, Исполком—с базарного сбора, но всего этого недостаточно.

Главные средства от самообложения поступают очень слабо, на что Горсовету следует обратить серьезное внимание.

Собрание прошло очень оживленно.

Дед Михей.

КРАСНАЯ АРМИЯ.

„БИРЖЕВИКИ".

Это не финансисты, не американские миллиардеры, не заправилы лондонского банка, а просто демобилизованные безработные так себя величают.

У восемнадцатого окна большого зала самарской биржи труда их ежедневно можно видеть 20—30 человек, а иногда и больше.

С песнями, веселые и бодрые, они переносили голод и холод в былое время, покрывали тысячеверстные пространства, а теперь... теперь не то.

Ежедневные приходы сюда в течение недели... месяца с постоянным ответом.

— Нет, наряда еще не поступило,—вселили неуверенность, робость.

— А что, получу-ли я работу завтра? у каждого на уме.

— Так как же вы живете, товарищ? обращаюсь к одному из них, стоявшему в сторонке и вытряхивающему из кармана махорку.

— Как! пособие получаем; иногда на работу на день, на два пошлют, на железную дорогу все больше. Но это не то... Вот-бы молот в руки, на фабрику бы... Говорят, не требуется... Сокращение все...

У «биржевиков» есть свой уполномоченный. Его дело—за очередью следить и чтобы демобилизованным в первую голову работу представляли.

— Только вот,—повествует его заместитель т. Алтаев, отдел труда по-моему неправильности допускает.

— А именно?

— Поступает, примерно, наряд на чернорабочих в 20 человек. Он нам дает десять, а остальные десять для других. А ведь мы имеем право на внеочередь.

Затем он нам не дает требований на квалифицированных работников. А такие есть.

Возражения серьезны. Отдел труда, ваше мнение?

«Биржевики» между собой спаяны. Удастся одному на стороне работенку перехватить, так он своего коллегу старается залучить к себе же.

— Пойдем, Сомов! Двор взялся очистить, да снег с крыши. Сорок лимончиков...

Живут по несколько человек в комнатке, как сельди в бочке.

— Это ничего,—заявляют они, в тесноте да не в обиде. Вот только бы в «штат влезть», а там заживем.

А то ведь ни себе, ни людям.

Случайный.

Новая партшкола.

22 марта в артдивизионе для всех артчастей 33 дивизии открылась партийная школа 1 ступени.

До сих пор партийцы посещали школу при райкоме, но ее посещали не все части из-за дальности расстояния и отчасти потому, что там часто бывали перебои из-за отсутствия лекторов.

Теперь школа в своих казармах. Лекторами назначены ответственные политработники артчастей.

В школе обучается 26 человек. Посещают аккуратно.

Обучающийся.

ОТКЛИКИ.

Авторская сногсшибательность.

(Фактическая справка).

Под заголовком «Сногсшибательное об'яснение» в № 1284 «Коммуны» помещена заметка «Случайного». Я присутствовал при беседе политрука тов. Тихонова и не могу не ответить на заметку фактической справкой, освещающей действительность.

Происхождение военных трибуналов он об'яснял не «белогвардейскими атмосферами» и «контр-революционными эмигрантами», а требованием момента решительной борьбы с контр-революцией.

По вопросу об отделении церкви от государства т. Тихонов действительно употреблял слово «попки», но тут, кроме некорректности по отношению к служителям культа, ничего нет. Что же касается иностранных слов, то таковые употреблялись, но т. Тихоновым давались по ним об'яснения.

Всем «случайным», хоть и случайно присутствовавшим на беседах, надо давать правдивое освещение фактов.

Помвоенкома 99 полка Уральцев.

Как нужно проводить политчас.

Тов. Случайный в своей заметке «Сногсшибательное об'яснение» (№ 1284 «Коммуны») весьма зло и метко высмеивает неудачную политбеседу т. Т. о судах.

Беседа, правда, была крайне неудачна, но ее очень умело дополнил помвоенкома 99 полка.

— Из вас, наверное, был кто-либо на суде?—обратился он к кр-цам.

— Ну, как не быть! Я был... Судился...—ответили 4—5 кр-ца.

— А вот не помните, как читается приговор у нас сейчас и раньше читался в царских судах?

— В царских не знаем, а у нас судья начинает:—«Именем Республики...»

— Вот: «Именем Республики», а в царских судах приговор выносился—«Именем его императорского величества царя...»—Сейчас уже нетрудно установить ту большую разницу между нашим и бывшим царским судом.

— Кто был царь?—задает вопрос помвоенкома.

— Известно, первый по России помещик,—отвечает бойко один из кр-цев.

— Вот и выходит, что приговаривал судто «именем первого помещика»—рабочего, крестьянина в тюрьму.

Приводит ряд примеров, как именем первого помещика ссылались на каторгу, в ссылку и расстреливались...

— А наш суд,—говорит помвоенкома,—«именем Республики... Именем трудового народа» и карает за преступления, которые направлены во вред трудовому народу.

— Есть разница в судах царя и Сов. Республики?

— Понятно, есть,—отвечают несколько голосов враз и беседа мигом оживилась. Сразу посыпались вопросы и раз'яснения кр-ев.

А. Семенов.

ОТ РЕДАКЦИИ.

По наведенным справкам редакция заключила, что приводимые т. Случайным в своей заметке выражения политрука т. Т. действительно им употреблялись на беседе с красноармейцами. Это не отрицает и тов. Семенов, инструктор Пуокра.

Никакие заметки в дальнейшем по этому поводу помещаться больше не будут.

ВОЕНКОРАМ ОТДЕЛА.

Тов. Новоселову. О вечерах вопросов и ответов мы уже писали. Когда будет что-либо нового в их организации, тогда пишите.

У 99 полка имеется подшефное село. Вот об этом сообщайте.

Военкору Повторкурсов Комсостава. Давненько вы уже не писали о своих курсах. Ждем.

Тов. Данилину. Просьба зайти в редакцию (10—12 ч.)

От редакции.

Печатая «Реки огненные» т. А. Веселого, редакция находит нужным сделать некоторые оговорки. Автор, несомненно, талантлив и своеобразен. Выведенные им типы верны и ярки. Тем не менее, А. Веселый дал не революцию с ее героическими усилиями и страданиями, а СКОЛОК С РЕВОЛЮЦИИ, который уместен был бы, как маленький кусочек на большом полотне картины. Его, А. Веселого, хулиганствующие, беспринципные матросы тяготеют только к грабежам, пьянству и дракам. Это дает повод думать, что в России не было матросов, героически боровшихся за революцию. А эти последние заслуживают большего внимания, чем первые. Между тем симпатии автора всецело на стороне дебоширов-матросов.

Новый быт, советский, почти не дан автором, а если кой-где попадается, то он тонет среди отрицательных типов, ибо они даны гораздо ярче и живее.

ВЫВОДЫ. Отрицательные типы «Рек огненных» есть не революция, а временные попутчики революции. Печатается, как яркое произведение, рисующее одну из сторон (хотя и отрицательную) революции.

РЕКИ ОГНЕННЫЕ.

(Сколок с романа).

(Продолжение *).

В каюте обрадованный старшина с гостями. Помолодевшие глаза игривы и язык игрив, как жеребенок, как ветруга морской. Легкой танцующей походкой старого моряка припрыжку туда-туда. Выбрасывал на кон все, что нашлось лучшего. Не пожалел и японского коньяку бутылочку заветную, хранившуюся сдавна в походном кованном сундучке.

— Раздевайтесь, гостечки желанные, раздевайтесь... Милости просим, чай не на постоялый двор пришли... В кои-то веки!

Дружки стаскивали свои ризы.

— Ставь на радостях пьянки ведро.

— Все еще скрипишь?

Федотыч забутыливал стол, тралил в кусками.

— Скриплю по малу: раньше царю, теперь коммуне служить довелось, — чего ты станешь делать!.. Живешь, землю топчешь, ну, знач, и служить кому-нибудь надо... Давненько не залетывали, соколики, давненько... Ну, подсаживайтесь, клюйте: корабли по суху не плавают.

— Нюхнем, нюхнем, почему не так.

— Вопрыснем свиданьице, пять годиков, можно сказать...

Старик разливал по граненым стаканам и глаза купались в густой булькающей влаге.

И еще в одной привычке узнал Мишка своего старого боцмана и заржал радостно.

— Ху-ху-ху! Как был, так и остался ты жадным пьяницей... И нет ничего в бутылке, а все трясешь—еще капля не каппет-ли.

— И капле пропадать незачем... Ну, братки, держите, бывайте здоровы! Дай вам бог лебединого веку... Еще, может, вместе служить доведется.

Чокнулись, уркнули, крякнули.

Хлебали кофе.

— Соколики, где были?

— Ты спроси, где мы не были.

— Все насквозь прошли, с боем—с огнем.

Коньяк в стаканы.

Старик в шепоток.

— На Троицу был тут Колька-Галченок. По пьянке ухал, што вы с Махно ударяли.

— Боже упаси...

— Огонь в кулак, вонь по ветру.

Наверху языкнули две склянки. Невдалеке судно бодро от'эхнулось: динь-нь-ом... динь-нь-ом. И еще бойким градом пенисто посыпались в лоток бухты динибомы. По палубе топоток-стукоток: команда на поверку. Мусолится в деревянном мыке интернационал, неизбежный, как смерть, изо дня в день и утром и вечером: в счет молитвы. Тягуч мык, как кулага: а-а-а-о-о-о... и «шапки на деть». По своим местам бе-е-ги».

В парусиновую подвесную койку укладывался корабль спать.

— Распиши, Федотыч, как живете, чем дышите.

— Наслушались мы всякого.

— Назола, не жись—горько,—гармонью сморщился старик,—как вихором пораскидало старых моряков... На отор рвут... Все загребают в свои лапы эти кансолисты—крупа.

Взгалдели.

— Ботай, чудило... Как же без насто?

— Мы в гвозде шляпка.

— То-то и оно: шляпки ноне не в почете.

Охнули, ххакнули, задермушились:

— Тузы, шерстерки, виннови козыри.

— Всегда мы катились девятым валом.

Старшина мах рукой в просмоленной, обуглившейся в солнечке.

— Девятый... А теперь мимо нас идет десятый вал, полундра. Накроет все, захлеснет... Партейная сила зубастая.

У парней и крылья врозь.

— Эдакого нагородишь, чертило, не перелезть...

— Силы вагон... Ища повоюем!

Как шило в колодку, воткнулся старик.

— Крышка, соколы... О прежних временах думать забудь... Куда ни повернись,—в ячейку угодишь, али в кружок... И мне, старому дураку, кольцо в губу да в тарарам-студию. Чуть отыгрался. Ты, говорят, товарищ старшина, будешь быдто вроде купца... Тьфу!... Мне ли в такие дела да на старости лет?!

— Ха-ха-ха!.. Зашел Федотыч.

— Д—ела делишки.

Горился:

— Бывалошно то времячко любому сопляку припаял бы я неочередной наряд в галюн с рассееванием, а теперь—стандо шалишь...

Горели души, чадили. Бутылкой не зальешь. Ковшем не зальешь. В море не утопишь. Куды тут! Широкие души моряцкие, как баржи.

— Ну, удалые, сидите, а слетаю к фельшеру, приволоку чистого бутылки две-три...

— Крой!

— Во вкус вошел.

Слетал Федотыч за огоньком: в стаканы разливал по-русски: всклень, через края расплескивал.

— Заглянул спас в кают-кампанию: до отказу набита... Вопют, как на пожаре «Вставай, проклятый»... День в работе на ногах, ночью где бы отдохнуть, а они, суконные сыны, шпарят собранье за собраньем, ровно сбесились.

— Орут и орут—такое их занятие.

Ванька воткнул в старшину тяжелый взгляд.

— Из старой команды остался кто-нибудь?

— Как-же, как-же, есть,—Ефимка—подлец, сигнальщик Лаврушка и подшкипер наш, коком все. Алешка Горбило, да теперь слышно на берег списывают за художества разные.

— Как уживаются?

— К начальникам лижутся.

— Ефимка подлец в ячейку подался, а эти вола валяют, дела не делают и от дела не бегают, так—груши околачивают... Политика—и сколько она этого глупого народу перепортила—беды!.. Пей, соколы!

— Ах, Черномор!

Подмокли, рассолодели

Расписал старшина новые порядочки: надо-бы хуже—некуды! В руготне полоскались сердца бросовые, мятые:

— Ну и ну, да луку мешок.

— Крупа, говоришь.

— Прямо сказать—пистоны... Никакого к тебе уважения... Мы, гыт, прынцыпьяльно и категорически... не подойди!

Федотыч по старой привычке поймал гореть мух, выжал в стакан, долил горючим и уркнул одним дыхом.

— Отслужили, братки, отплавали. Теперь хошь папиросами торговать, аль писарем в какой-нибудь животдел, что-б ему сгореть!

На стрежне заиграли души блестко.

— А ни подфартит, так всей коллегией гайда в Умальщину гулять.

Старик в скул:

— Нет, уж, братцы, я свое отгулял... Судьба. Верно, мне, старому кобелю, сдохнуть тут.

Ванька свое:

— Ноги запляшут!

И Мишка, захлебываясь пьяной икотой, оживлял в памяти переплытые радости:

— Жизня дороже дорогого... Пьянку мы пили, как лошади.

Денег бугры. Залетишь в хутор—разливное море. Стрель, крики, вуй, кровь, драка, хаты в огне, сердце в огне! Цапай хохлушку любую на выбор и всю ночь ей восхищайся...

— И сахар и калач.

— Уу, не накажи бог!

— Вперед жизни бежали. Так бежали, чоботы с ног сваливались.

— Церковь увидишь и снарядом по башке щелк: разлюбезное дело.

— Да церкви мы били, как бутылки.

Ой, яблочко,
Да з листочками
Иде Махно,
Тай з синочками!

Закудахтал старик: клушка над цыплятами.

— Тишша... Тут за стенкой капитан услышит. Злой, как пес цепной—загрызет.

— Качали мы его!

— Курва, какой-нибудь антилигент лягавый.

Федотыч задымился:

— Ну нет... Он хошь и гнида, а в службе строгость обожает... Дисциплинка у них на ять... Кансолисты естественно, крупа крупой, но и в работах понятно еще не совсем лихие моряки... Но уж и счас кой-кому из старых пить дадут. Хвани...

—Ну и ну, да луку мешок!

— Зашло наша за ваша!

Сидели Мишка с Ванькой на столе и все в них играло, плясало: Плясали-метались глаза, дергались вертляво головы, прыгали плечи, скакали пальцы в бешеном галопе, трепыхались крылья, убегали и скользили-скользили копыта, в судорге смеялись—радовались, едко сердились горячие губы, торопливо ползали юркие уши. Зудкая ловкость, узловатая хваткость, разбитые в-нет ботинки, вихрастые лохмы, язык в жарком вьюхре.... Все в них и на них озорно кричало: скорей, скорей, даешь!

Старик свое дугой выгибал:

— Босейка на Красной всей ордой ходили мы в море—на пробный манер знач... Ночь накрыла, буря ударила, затрепало, закачало, аж судно стонет... Ну и авралила команда молодых... От подивился я, от подивился: клещи и клещи, не взвидать мне красного солнышка—клещи! Бегали по команде, ровно гайки по нарезу... Годик-другой и морячки из них выйдут коневые... Репьи!

Беспокойно зашебутились дружки:

— Затыкнись—панюхались.

— За лычком тянешься арьхирей совецкый.

Закостерился старшина:

— Чего хорохоритесь, я вам не подвластный, не испугался.

— Растуды твою, разсуды твою.

— Нашел чудаков...

Ванька нацелился и метнул бутылкой в старикову лысину. Мишка заржал и в сон, как в теплое тухлое озеро.

***

В это же время в заплеванной милицейской канцелярии просыпался дежурный, позевывал скучающий Фома и азартно сморкался в клетчатый платок хозяин лавки.

Сочувственно всхлипывало перо.

Сломанный сон дежурного обвис на грузных щеках, на мокрых губах. Пресоньем засалились очи карие, очи жгучие. Голос затекший:

— Так двое?

При каждом вопросе хозяин торопливо встряхивал облезлые глаза.

— Двое, товарищ, двое.

Слова Фомы—шары чугунные:

— Абы двое, абы десятеро—скрозь стен не видно.

Ночь в окне. За перегородкой сладкий всхран. Тараканы шпалерами: шушу, шушу.

Милые захлебывались позевотой. Старика слеза заливала.

— Усы черные, через щеку рубец.

Шоворлюсил старик—дежурный спал, кончал старик говорить—дежурный просыпался:

— Так двое?

— Двое, товарищ, двое.

— Будто кажись двое, а можа цеха шайка.

Сопело перо, писарь сопел, старик сопел. Фома барахтался в дремоте, спал: носом подсвистывал, ухом слушал.

Артем Веселый.

(Продолжение в след. номере).

*) См. 1284.